

"Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым"

(Карл Маркс, "К критике гегелевской философии права")

Он открыл дверь, вошел в свой номер и бухнулся в кресло.

День был сумасшедшим — сегодня он впервые зашел в зал Верховной Рады, посидел в своем тесном рабочем кресле, понажимал на кнопки, познакомился с десятком коллег по фракции. Нормальные ребята оказались. Впечатлений было выше крыши, и только сегодня он понял, что вся его предыдущая жизнь осталась там, в родном городе. Здесь начиналась жизнь новая, неведомая и загадочная, и, на первый взгляд, чертовски привлекательная.

Он встал и включил торшер.

— Сергей Владимирович, выключите торшер, пожалуйста, — раздался в комнате голос.

— Что? Кто это? — сказал он и осмотрелся. В комнате никого не было.

— Я все вам расскажу, но выдерните вилку торшера из розетки и, если можно, отключите телефон. Вон тот, на тумбочке, — продолжил голос, звучащий из телевизора. Экран оставался темным, горел лишь красный индикатор.

Словно робот, он сделал все, о чем говорил голос, и подошел вплотную к телевизору.

— Кто вы? Ничего не понимаю. Откуда вы меня знаете? Вы что, из СБУ?

— Да нет, — ответил голос. — Из СБУ телефон, вон тот, гостиничный. Вы его не включайте лучше никогда. Торшер, кстати, из НАБУ. Нет, я ваш друг. Скажем, гид по новой жизни.

— А.. Вы меня видите? И где вы?

— Нет, я вас не вижу, не пугайтесь, но в наше время не обязательно видеть человека, чтобы быть уверенным, что общаешься именно с ним. Диджитал, знаете. Полный диджитал. Вот нашего нового президента мало кто видел в жизни до выборов — и ничего. Да и место моего пребывания не имеет значения. Важно, что вы мне интересны. И не только мне.

— Кому еще? Что вам вообще нужно?

— Скажите, вам нравится место вашего проживания?

— Ну так.. номер, конечно, так себе, но переночевать хватит.

— Ну да.. А на что вы жить собираетесь? На депутатскую зарплату?

— Это вообще не ваше дело! Что вы вообще обо мне знаете?

— Немного, конечно. Но 42 947 накопленных вами долларов закончатся через год. Кстати, надо было бы их все задекларировать. Ваше рекламное агентство дает вам еще тысяч двадцать в год, но очень скоро партнеры поймут, что толку от вас в Киеве для них немного, — вы же "новое лицо", звонить в обладминистрацию и выбивать заказы не будете, — и платить долю перестанут. Да и звонки эти бесполезны. Олигарха своего у вас нет, как у некоторых ваших "коллег-слуг".

— Откуда... вы все это...

— Между прочим, ваша девушка Аня хочет не просто в Париж, а красиво в Париж. И вряд ли ей понравится то, что она увидит в этой конуре. Это я про ваш номер, — уточнил он. — Но есть и хорошая новость — стоматолог, которая вам неправильно поставила пломбу, уволена. — Голос хихикнул. — Не за вас, а за регулярное появление на работе в нетрезвом состоянии.

— Вы следили...

— Мы просто знаем. Например, что вашим родителям надо пройти медобследование в Германии, потому что местные врачи их уже окончательно достали. Что вам не совсем уютно жить на 58 квадратных метрах, когда ваши одноклассники имеют приличные дома. Что на вашем 8-летнем "Хюндае", наконец, надо менять коробку передач, а лучше просто его выбросить.

Слушайте, мир стал другим. Вы же слышали что-то о Big Data, но думали, наверное, что это все не о нас с вами? Что это где-то там мухлюют с голосами избирателей? Нет, дорогой. Реальные пацаны решительно взялись за виртуальное пространство.

Сереженька, поговорим о насущном. Я не готов обещать вам уровень жизни в Киеве, которого вы заслуживаете, но мы можем, учитывая необходимость вписаться в декларацию для НАЗК. И, самое главное, — подготовим вас к нормальной жизни после депутатства.

— А, так вот оно что! Нет, ну я слышал про это, но чтобы так! Подождите, а может, вы меня как раз сейчас и записываете?

— Да бросьте, — раздраженно сказал голос. — Стоите и разговариваете с выключенным телевизором. Если кого это и интересует, то только психиатра. Одним словом. Пять. Тысяч. Долларов. В месяц. Квартирку снимите за пятьсот, по декларации будет понятно, что вы медленно проедаете свои сбережения. Так потихоньку тысяч пятьдесят в год набегит. За Париж пусть заплатит Аня, типа из накоплений бабушки.

Родители обследуются якобы из сбережений в подушке. Купите скромную "Тойоту". И когда этот этап в вашей жизни закончится, пойдете дальше в уверенности, что уж домик в Словакии заслужили...

— Да что вам нужно?

— Пустяки. Нам интересна пара тем в энергетике, альтернативной, например. Ну поддержка нашей... нашей с вами промышленности. Ну, голосование за парочку министров. Энергетика там, транспорт. Прямо перед голосованием я вам все сообщу...

— Стойте, у нас фракция...

— А там вы скажете, что имеете принципиальную позицию, переступить которую не можете. Что свои принципы не променяете ни на что. Что весь ваш жизненный опыт подсказывает... Я потом скажу, что он подсказывает..

— Но нас предупредили, что решение фракции обязательно...

— Вы, Сережа, личность. Яркая и неординарная. И, как любой народный депутат, за свои голосования отвечаете только сами. Учите регламент.

— Но меня же могут исключить...

— Да, у нас часто страдают за принципиальность. Если эта легкая неприятность случится — мы будем с вами рядом. Еще тысяча в месяц за моральные страдания. Плюс эфиры. Много.

— Ну... Только энергетика, инфраструктура — и все?

— Да, конечно! Мы, между прочим, больше вас заинтересованы, чтобы страна развивалась и реформировалась. Что хорошо нам, то хорошо и стране... или наоборот... Ладно, не суть. Если бы вы знали, как мы все тут заждались вас — молодых и энергичных, а то ваши предшественники зажрались так, что совершенно обнаглели. Вы — наша надежда, Сережа!

Теперь о деле. Конверты будут появляться в холодильнике. Он в курсе. В разделе для фруктов, где лимоны, ха-ха. Сорри, что не биткоины, но они колеблются туда-сюда.

— Подождите. А зовут вас как?

— Это вообще-то неважно, но называйте меня Харон. Немного пафосно, но мне нравится. Кое-кто обижается, кое-кто пугается, но, если подумать, это неплохо отражает содержание места, куда вы попали. Конечно, не все души, с которыми приходится работать, мертвые, многие имеют шанс выжить. Ваша душа, например, пока еще весьма и весьма... Вы еще вполне можете, если можно так выразиться, переплыть Стикс в обратном направлении... Важно, с чем поплывете...

Телевизор замолчал. Сергей медленно побрел в ванную. Он зашел и включил свет. Ванная была совмещенная.

— Минуточку, — раздался голос из угла, где стоял унитаз.

— Что надо? — устало спросил Сергей

— Садись, — приказным тоном велел унитаз — Как я понял, партнер тебе все уже объяснил. Как у него всегда выходит: первым встречает, последним провожает...

Унитаз, казалось, задумался.

— Но, с другой стороны, у меня тут безопасно, никаких торшеров и телефонов, — бодро продолжил он. — Ну так вот: работаем по банкам, по нефтянке. Пять за голосование и столько же за депутатский запрос.

— Да идите вы! Вы что, не понимаете, что мы тут хотим страну поменять!

— Обязательно все надо поменять, — согласился унитаз. — Мы за перемены. Вот лотерейный бизнес, например, — они там так засиделись, что давно пора менять всех.

Вообще, Серега, как я отсюда вижу, у тебя хорошие шансы на работу в исполнительной власти. Потенциал есть, Серый. Поможем. Да, только телевизору не говори, пусть это будет нашим маленьким интимным секретом. Он тебе про энергетику втирал?

— Ну да...

— Так ты перед голосованием зайди, посиди, подумай. А у меня, может, идеи какие появятся... Мы, конечно, в чем-то партнеры, но иногда его так подпалить хочется, сил нет...

Унитаз вздохнул.

— Связь через холодильник. Моя благодарность будет в районе яиц. Люблю символы, хе-хе...

Сергей встал и подошел к зеркалу.

— Вы еще не устали? — раздался шепот.

— Что нужно? — пробурчал он. — Кто это еще?

— Это фен. Есть ряд запросов по будущему бюджету. Если вы не против, я ближе к сентябрю сообщу статьи, которые мы просили бы поддержать.

— Съеду я скоро отсюда. — глухо сказал он.

— А это ничего, — сказал фен, — Мы вас найдем, и мой коллега нашепчет вам по новому месту жительства. Кстати, вам даже ходить на голосование не надо будет. Просто добро дайте.

— Ничего не выйдет. У нас будет голосование по отпечатку пальца.

— А если вы опустите палец в раковину, мы сделаем полную компьютерную модель пальчика, запустим в 3D-принтер и подарим вам копию. Бесплатно. И вы этот пальчик отдадите, кому хотите. Можете даже руководству фракции отдать, если так надо для немедленного реформирования страны. А иногда — нам. Хоть мир посмотрите, пока пальчик голосовать будет.

Он вышел в комнату, подошел к окну и широко его распахнул. На карнизе сидела ворона.

— Карр, — сказала ворона. — Тьфу... то есть "Укр-р-спир-рт"!

Она покрутила головой, добавила: "Тр-ридцать!" — спрыгнула с карниза и камнем ушла вниз. Оттуда донеслось: "Думай.Те".

* * *

Прозвенел звонок. Он вздрогнул и проснулся. Было утро, и солнце уже полностью залило гостиничный номер. Прямо под окнами располагалось масштабное здание с флагом на куполе — его новое место работы.

Туда уже стекались совершенно новые и хорошо забытые старые лица. Молодые и не очень, полные энергии и планов на ближайшие годы.

Те, кто решил поломать успешную карьеру, чтобы попробовать поменять правила игры.

Те, кто карьеры не ломал, а в предыдущей жизни уперся в стену и воспринял депутатский мандат как возможность вырваться из беспросветности и карьеру наконец-то построить.

Авантюристы, нашедшие "приключение жизни". Наемные работники, посланные работодателями для исполнения ответственных поручений. Дети, родители которых исполнили роль социального трамплина.

Бедные, средней зажиточности и богатые. Циники и романтики. Верующие и атеисты. Порядочные люди и проходимцы. Практически все они еще полгода назад даже не помышляли о каких-то мандатах, а работали менеджерами, юристами, артистами, учеными, учителями, бухгалтерами, врачами и военными, а кое-кто трудился активистом.

Их всех выбросил во власть человек-символ, и сами они попали туда как приложение к нему. Именно поэтому мало кто из них имел отношение к реальному сектору — в подавляющем большинстве они были выходцами из сферы услуг, которая и становится в современном мире социальным двигателем. Представители народа эпохи постмодерна.

И это было бы прекрасно и совершенно современно, и мы могли бы гордиться своей причастностью к европейской цивилизации, если бы полностью прошли все стадии развития индустриального общества. Если бы наше материальное производство, употребив инвестиции, хотя бы приблизилось к мировому уровню эффективности.

Но нет. Мы забрасываем во власть тружеников сервиса всех видов, а самые престижные места во власти связаны с разделом лицензий на нефтегазовые месторождения, определением тарифов на электроэнергию, установлением пошлин на товары и режима пересечения границы ими же, а также железнодорожных расценок на перевозку металла.

Именно там все еще решаются вопросы, будет ли страна конкурентоспособной. Именно там, а не в IT-секторе, пока еще лежат деньги, которые, по идее, должны были обеспечить нам безболезненный транзит в экономику услуг, а на самом деле обеспечивают выживание заводов и фабрик, рост благосостояния их собственников и лиц, находящихся вблизи соответствующего регулятора. Ну и пенсии там же.

Новый парламент — это место, где столкнутся два мира: мир обслуживания человека и мир больших денег. Миры постмодерна и модерна. Мир харизматичных лидеров и контента — с одной стороны, и мир газа, нефти, рапсовых латифундий и металла — с другой. В идеале, они должны какое-то время сосуществовать друг с другом. Но в реальности один мир может просто купить другой. С потрохами.

* * *

Он открыл двери, вошел в свой номер и посмотрел на холодильник. Внутри тревога боролась с надеждой. Он открыл дверцу и заглянул в нижнее отделение. Рядом с высохшим лимоном лежал конверт характерной прямоугольной формы.

Александр Макаров, ZN